

Араб Переславского уезда

Вот уже около двадцати лет в деревне Дубки живёт человек с совершенно непривычными для русского уха именем и фамилией — Джасим аль-Саффар. Единственный араб на всю переславскую округу. Кандидат сельскохозяйственных наук, журналист, предприниматель. О том, каким ветром занесло его на грешную российскую землю, мы и решили выведать у него в один из погожих майских дней.

Дубки встретили нас трёхэтажными корпусами студенческих общежитий, купанием уток в придорожной пыли, отборным матом двух деревенских товаров, разорённой баней и гордой надписью «Харе Кришна» над гаражом местного пейзажника.

Дом Джасима с цокольным этажом и бельэтажом стоял, упёршись в край села и заметно выделяясь на фоне низкорослых крестьянских изб.

— Заходите, заходите, давно вас ждём! — приветствует нас на крыльце своего дома тот, ради которого мы совершили двадцатикилометровое путешествие из уездного центра. Джасим невысок, красив, крепок, с бородой, посеребрённой сединой, идущей к его смуглому восточному лицу.

В доме всё как у людей: жена, дети, тёща, домашние любимцы — добродушнейшая колли Лайза, кошка Машка на сносках и элегантная доберманша Герда. Три спальни, два туалета, зал с камином, кабинет, столовая... Хотя обстановка особой роскошью не блещет. Главное богатство — книги. На русском и арабском языках.

— А арабский не забыли?

— Нет. Земляки в Москве не дают. К тому же установил недавно новую антенну, теперь смотрю передачи на арабском.

Слово за слово, и уже через полчаса начинает проглядывать биография человека редкого мужества и необычной судьбы.

Сына коммуниста пытали каплями воды

Родился Джасим аль-Саффар на юге Ирака, в семье видного деятеля коммунистической партии. Однако участь избалованного и уставшего от жизни сынка партбосса ему отнюдь не грозила. Партия в стране была под запретом, коммунисты — жупелом для правоверных, пропаганда коммунистических идей — делом, опасным для жизни. А потому на долю Джасима и двух его младших братьев, с молоком матери впитавших идеи социального равенства и справедливости, достались совсем иные радости бытия.

В девятнадцать лет Шарифа (подпольная кличка аль-Саффара. В переводе с арабского — «честный») бросают за решётку. Впрочем, в камере, куда затолкали первокурсника Багдадского университета, решётки не было. Был размером метр на метр бывший номер турецкой бани, где некогда стыдливые мусульмане омывали запретные части своего тела. И был полный мрак. Тьма рассеивалась лишь по утрам, когда выводили умываться, и тогда, когда вели на допросы. Иногда, правда, бывали и исключения.

— Как-то ночью охранники, устраивающие по ночам пьяные оргии с бабами, вывели меня из камеры и заставили переводить с английского выписку из истории болезни одного из них, — вспоминает события 30-летней давности переславский араб. — Но разобрать что-либо в корявом врачебном почерке было практически невозможно. Тогда хмельная проститутка стала швырять в меня ягоды, целясь прямо в лицо. Наставил пистолет и тюремщик: «Пошевелишься —

убью». И слова эти не были пустой угрозой. Жизнь политзаключённого не стоила и ломаного гроша. Пристрелят и глазом не моргнут. Тюремное начальство снисходительно закрывало глаза на подобные шалости своих подопечных, списывая затем всё на «убийство при попытке к бегству».

Помнит Джасим и случай, когда стражник-земляк схватил его сзади и принялся колотить головой об стену. «Не допущу, — орал, чтобы в нашем родном Мисане были коммунисты. Удушью своими руками!»

На себе познал молодой коммунист и прелести пыток.

— Когда мне говорили до тюрьмы, что самая страшная пытка — каплей воды, не верил, считал ерундой. Что, казалось бы, страшного: сидишь в кресле, а тебе на голову падает какая-то капля. Но ничего ужаснее этого не было. Через энное количество минут чувствуешь, что голова раскалывается на части, будто по ней бьют топором, психика срывается... Очень тяжела и пытка на дыбе. Ну, а самая лёгкая — это когда руки и ноги связывают вместе и начинают дубасить палкой по ступням. Встать потом, правда, не можешь. Но доползёшь до своей камеры, отлежишься — и ничего. Жить можно.

Но так думал далеко не каждый его собрат по несчастью. Слышал как-то нынешний житель переславских Дубков, как всю ночь стонал его сосед по камере. На следующую ночь — тишина. А наутро ему приносят молоко. Тут уже не ходи к гадалке — не выдержал, начал давать показания на своих товарищей.

Джасиму ни молока, ни кофе, ни ключей от квартиры, где деньги лежат, не приносил никто. А потому, когда вывели его спустя несколько месяцев из заточения и повели через строй автоматчиков, был уверен — ведут на расстрел. Ничего иного в тот момент в голову просто не приходило.

Но всё произошло с точностью до наоборот. Джасима, его отца, брата и других соратников по партии... освободили. И сладкому слову «свобода» они оказались обязаны председателю Международного комитета мира, прибывшему в страну с требованием прекратить преследования иракских демократов. А поскольку президент Ирака публично бил себя в грудь и клялся, что в его стране политзаключённых нет и все эти разговоры — наглая ложь коммунистов, то от всех узников тут же поспешили очистить камеры. Как говорится, от греха подальше.

В библиотеке Джасима как память о тех днях до сих пор хранится брошюра «Остановить террор и преследования иракских демократов», где в длинном списке заключённых под номером 124 стоит его фамилия, под номером 123 числится брат, 122 — отец.

Москва—Переславль—Ливия—Переславль

А далее судьба аль-Саффара делает крутой поворот. В 1972 году Советский Союз и Ирак заключают договор о дружбе и сотрудничестве. И молодой иракский революционер, влюблённый в страну Ленина, Достоевского и Толстого, отправляется на учёбу в Москву в сельхозакадемию имени Тимирязева.

Тогда он думал, что уезжает на время, оказалось — навсегда.

Белокаменная встретила 22-летнего араба колбасными очередями, дефицитом сахара и туалетной бумаги, отсутствием приличного мыла, зубной пасты и лезвий для бритвы. Джасим растерялся. Всё это как-то плохо вязалось с его представлением о стране, где «всё для человека, всё для блага человека».

Не смог рассмотреть он, как ни старался, и следов хвалёной советской демократии. Действительность обманула ожидания. Такого социализма в своей стране он не хотел. И не за такой боролся. Получив диплом агронома широкого профиля, молодой специалист не спешит возвращаться домой. В Ираке — террор. Казнён его брат. Дорога на родину закрыта. Но открыта в другие арабские страны. Джасим предпочитает остаться в России и продолжить учёбу в аспирантуре.

В годы работы над диссертацией здесь, в Дубках, облюбованных Тимирязевкой в качестве своего учебного хозяйства, и встречает он будущую жену Нину, выпускницу Ленинградского механико-технологического техникума. Она была инженером по технике безопасности, кандидатом в члены КПСС, спортсменкой и просто красавицей. В августе 80-го они поженились. И до сих пор вспоминают события тех лет.

— Нас с Джасимом зарегистрировали в сельсовете, а на следующий день, собрав чемоданы, мы умчались в Питер, — рассказывает Нина. — Возвращаемся, а в Дубках дым коромыслом.

Оказывается, слух о нашей свадьбе дошёл до Переславля. И такое началось! В райкоме криком изошлись: как могли да как посмели зарегистрировать брак иностранца с русской, да ещё с кандидатом в члены партии?! Бедные председатель сельсовета и парторг хозяйства в страхе уже с партбилетом простились. И едва мы появились, нам с ходу выдали: «Ваш брак недействителен». Тут уж нас впору в чувство приводить было, — улыбается Нина.

Страсти улеглись лишь тогда, когда привёз Джасим какую-то справку из академии. А Нину ещё не раз на ковёр вызывали, инструктировали: «Смотрите, не подведите. На вас лежит особая ответственность. Вы — жена иностранца».

А потом родились дети — Басима и Рами.

— Почему такие имена? Басима — в честь любимой сестры Джасима, — объясняет Нина. — Муж просил об этом. У нас с ним была договорённость: второго ребёнка назовём по-русски. И когда родился сын, решили назвать его Кириллом... Моей маме имя решительно не понравилось: «Ну вот ещё, выдумала тоже! Хочешь, чтобы все Кирюхой дразнили?» Тогда-то и предложил муж свой вариант — Рами. Тёща одобрила: «Почти Рома». На том и порешили.

Защитив кандидатскую, Джасим с семьёй уезжает в Ливию. Работает преподавателем в университете, читает на арабском, а затем английском языках, ведёт курсы по микробиологии, почвоведению, экологии. Сотрудничает с редакциями научных журналов, участвует в международных симпозиумах. Чуть позже работает научным советником в научно-исследовательском институте по изучению южного района Ливии.

Казалось, всё складывается как нельзя лучше. Но настала пора упаковывать вещи. Дети подрастали на глазах, их нужно было учить.

— А в маленьком городке на юге Ливии, где мне пришлось работать в последнее время, мы были единственной русской семьёй, — говорит Джасим.

Хотя у них и на этот раз была возможность выбора страны. Но мешает джентльменское соглашение с научным руководителем о непременном возвращении в Союз. Да и Нина настойчиво твердит одно: «Только Россия». Они вернулись в 91-м. И не узнали страны. Всё трещало и разваливалось по швам. Науку лихорадило, сельское хозяйство брошено на произвол судьбы. Опыт аль-Саффара, его знания оказались никому не нужны. На деньги, заработанные за границей, он строит дом в Дубках и начинает заниматься торговлей.

Иракский коммунист борется за правое дело в России

Но кипучая натура борца за демократию даёт о себе знать. Поверив в начавшиеся демократические преобразования, Джасим принимает российское гражданство и рвётся в бой. Теперь он может позволить себе такую роскошь. Времена молчания кончились. Это раньше, будучи иностранным подданным, он не чувствовал за собой морального права ходить со своим уставом в чужой монастырь.

Поле битвы нашлось сразу — объединение города и села. Страницы местной прессы развернули по этому поводу оживлённую дискуссию. Существование двух территориально-административных образований на переславской земле многим кажется ненормальным. Но говорят в основном горожане. Село помалкивает. Срабатывают и принцип «начальству виднее», и элементарное чувство самосохранения: как бы чего не вышло. Из селян говорят лишь единицы. И среди них переславский араб. Он двумя руками за объединение, видя в этом несомненное преимущество. Он вообще за могучую и неделимую Россию.

Однако подобная откровенность кое-кому пришлась явно не по вкусу. Россия, конечно, не Ирак, в тюрьму за убеждения не сажают. Но ему тут же ясно дают понять: не твоего ума дело. Сообразил это Джасим без труда по количеству проверок, враз обрушившихся на его магазины. То ни одного проверяющего, а то сразу целая куча — налоговая полиция, налоговая инспекция, СЭС... В итоге из трёх магазинов ему оставляют только один — в родных Дубках. Это больно ударило по карману, но не заставило опустить руки.

Свою маленькую победу мужественный иракский борец за справедливость одержал и на российских просторах. Он сумел объединить предпринимателей города и района, создав в октябре прошлого года некоммерческую организацию «Переславское движение предпринимателей и налогоплательщиков».

Став во главе организации, аль-Саффар борется отныне за защиту интересов предпринимателей, за установление разумных, экономически обоснованных налогов, за содействие развитию

честного и цивилизованного бизнеса, за формирование общества, основанного на уважении прав, свобод и законных интересов человека...

Дел, естественно, невпроворот. Может, потому на вопрос: «А ностальгия по родине не мучает?» — гражданин России Джасим аль-Саффар отвечает: «Ну о чём вы говорите? Здесь столько проблем надо решать, что на ностальгию времени просто не остаётся».